Луо Вэй также задавался вопросом, почему царь Урука был так спокоен.

Но даже если бы он до трансмиграции смотрел произведения из серии "Мир судеб" и знал общий характер Гильгамеша, он все равно не смог бы точно уловить закономерность его эмоциональных изменений.

А может быть, его и вовсе не было.

Гильгамеш, как король крайнего самолюбия, идеально подходит под пять слов "угрюмый". 3

Так что просто забыть об этом... Если он не мог понять, то и не собирался об этом думать.

Просто это укрепило его решимость взойти на Трон Героев и вернуть себе эту силу.

Если у него была эта сила, то о чем думает Гильгамеш, неужели он до сих пор не видит его насквозь?

Стоя перед Гильгамешем и вопросительно усмехаясь, Ло Вэй лишь улыбнулся и не стал продолжать наступать.

Научись останавливаться, когда хватит.

Одного этого уровня недостаточно, чтобы оставить имя в истории, а если Гильгамеш совсем разъярится, то его смерть будет напрасной...

Подобное действительно труднодостижимо, а если он будет давить дальше, то шанс прославиться в истории и умереть еще более вероятен.

Как бы то ни было, он уверен, что его поведение должно было оставить в сердце Гильгамеша крайне негативный след.

Этого достаточно.

Дальше все пойдет по нарастающей.

"Хмф, ты замолчал? Похоже, что уровень простого дворняги - это не более чем это?"

Гильгамеш был немного разочарован: "В таком случае просто преклонись перед великим блеском этого царя, и пусть этот блеск осветит твою личиноподобную вонь до мельчайших подробностей!"

"..."

Хотя ему не хотелось ругаться, но... как этот парень умудряется говорить так, не стыдясь?

Луо Вэй изо всех сил старался сохранить спокойное выражение лица.

Гильгамеш разочарованно покачал головой.

Он думал, что будет какое-то грандиозное представление, но все оказалось именно так?

"Король, уже почти время". В этот момент заговорил сопровождавший его слуга.

Время церемонии совместного жертвоприношения богам действительно наступило.

Луо Вэй взглянул на небо: был полдень. Говорят, что в это время боги поднимаются на самую высокую точку Месопотамии под палящим солнцем.

Проведение жертвоприношений в это время - лучший способ для богов почувствовать уважение людей.

Пришло время появиться Ло Вэю, предводителю жертвоприношения.

"Великие и достопочтенные боги".

Подобно церемониймейстеру последующих поколений, он выбрал несколько красноречивых слов и громко произнес.

"Мы и все подданные Урука собрались здесь, чтобы искренне поблагодарить и помолиться..."

Старый жрец слушал и смотрел на Гильгамеша, который с презрительным лицом опирался на каменный столб, он был так тронут, что готов был заплакать.

Контраст между людьми настолько очевиден.

Хотя Ло Вэй не обладает такой же силой и мудростью, как Гильгамеш, его можно считать вторым по значимости представителем молодого поколения Урука.

Не слишком большой разрыв, да еще и с таким отношением, которое не назовешь благочестивым, но, по крайней мере, сохраняющим уважение.

Старик, считавший, что из-за безрассудного поведения Гильгамеша Урук в конце концов будет покинут богами и погибнет, почувствовал, что он снова спасен.

Но вскоре он перестал смеяться.

Когда Ло Вэй закончил свои красноречивые слова, многие жрецы, стоявшие перед статуями богов, которым они служили, начали танцевать.

Свет костра мгновенно воспламенил подношения, и клубящийся дым унес их в царство богов.

Далее -

Самое главное, чтобы Гильгамеш, царь Урука, прочитал ритуал.

В любом случае, как правитель города-государства, он является главным действующим лицом этого праздника.

В первоначальном городе-государстве, где политика и религия были едины, верховный царь был, по сути, ближайшей жертвой богам и посланником всех богов.

Перед ним верховный жрец и жертвы других богов были лишь сопутствующими жертвоприношениями.

Скрижаль, которую держал в руке Ло Вэй, созданная и начертанная им самим, предназначалась именно для этой цели.

Далее он передаст эту табличку в руки Гильгамеша.

И пусть этот праздник станет древнейшей памятью, которая будет передаваться из поколения в поколение!

"Царь, прочти, пожалуйста, жертвенную надпись".

Под всеобщими взглядами он приподнял льняной халат и передал глиняную табличку светловолосому юноше, стоявшему перед ним, опираясь на каменную колонну.

Гильгамеш хоть и с некоторой неохотой, но все же поднял руку и взял ее.

"Как ты смеешь позволять мне, благородному царю, читать этим дворнягам такие отвратительные речи?

В обычных обстоятельствах это считалось бы преступлением, проявлением неуважения к славному и великому царю, которое карается смертью!"

Однако, похоже, этот царь все еще настаивал на своем, так что... что ж, он не мог признать поражение.

На самом деле Гильгамеш, с нескрываемым пренебрежением и презрением относящийся к богам, появляется здесь не из-за какого-то благоговения перед ними.

А из-за существования его матери - одной из богов, дочери бога-царя Ану, всеведущей богини Римат-Нинсун.

Великий полубог-получеловек Царь Героев родился от союза царя и богини.

Хотя в нем течет человеческая кровь, он обладает силой и мудростью божества.

Эта связь, которую он не может разорвать, несмотря ни на какие обстоятельства, служит последним звеном между мятежным королем и богами на небе.

Но с течением времени эта связь становилась все более хрупкой.

В неизвестный момент, когда боги уже не могли спускаться на землю в своих телах, а Гильгамеш длительное время не видел свою мать, такая связь могла оказаться на грани разрыва.

Конечно, по крайней мере пока, благодаря этому он может сохранять терпение.

Гильгамеш с презрением взял глиняную табличку из рук Ло Вэя.

Специальная глиняная скрижаль, которую Ло Вэю приходилось держать обеими руками, была легкой, как перышко, в его руках.

Под светом купола, висевшего над головой, красные глаза короля сфокусировались на каменной плите, он открыл рот, проследил за словами, написанными на ней, и произнес:

"Все боги обозревают мир из храма на небе, и в их руках власть над небом и землей..."

Начало было нормальным.

Но это было только начало.

"Бог выбрал для человечества царя, который будет править человечеством.

Они думали, что царь, которого они выбрали для человечества, был совершенен, но как царь это делал?"

"Так называемый царь жесток и безжалостен.

Он угнетает своих подданных и считает Урук своим собственным голосом. Он не позволяет никому противостоять ему. Он считает себя великим, но не знает, что люди боятся только его силы и власти".

Гильгамеш нахмурился, понимая, что что-то не так, и голос его становился все ниже и ниже.

Но он все равно подсознательно читал.

"Этот царь безжалостно попирает других и презрительно называет всех своих подданных дворнягами.

Он относится ко всем как к простым рабам, но при этом не замечает, что если следовать его извращенной логике..."

"Тот, кто стирает границы между богами и смертными, - величайший из всех Дворняг!"

Щелк -

Глиняная табличка, крепко зажатая в руке Гильгамеша, начала трескаться под сильным давлением его пяти остроконечных пальцев.

Хотя в конце концов голос царя стал очень тихим, его все равно услышали остальные.

В храме мгновенно воцарилась тишина.

Все смотрели друг на друга в шоке, а точнее... в страхе.

Только Ло Вэй счастливо улыбался.

Он был очень доволен сожженной "жертвой".

Хотя он и не был ученым, обладающим столь глубокими литературными познаниями, но для него было достаточно того, что он написал своими руками.

Особенно последнее предложение.

'Каждый человек - дворняга... Только вы имеете право называть других таковыми? '

Я вас долго терпел!

http://tl.rulate.ru/book/98502/3340957